

С. В. Ярцев

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ВАРВАРОВ, НАПАВШИХ НА ОЛЬВИЮ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ АНТОНИНА ПИЯ

В статье рассматривается сложная тема этнической идентификации варваров, напавших на Ольвию в середине II в. н.э. Комплексный анализ источников позволяет сделать вывод, что в основной своей массе это были выходцы из районов предгорного Крыма, потомки тавро-скифов. Причем значительная часть таких тавро-скифов могла войти в одну из сарматских группировок, которая в это время пыталась утвердить за собой определенную территорию кочевания. Все это привело к осложнению ситуации вокруг Ольвии. При этом не исключено, что союзниками местных варваров являлись активно проникавшие в то время с севера дружины готов, гепидов, вандалов.

Ключевые слова: античный мир, варвары, миграция, война, пиратство.

В «Истории Августов» кратко сообщается о неких тавро-скифах, которые во время правления Антонина Пия (138–161 гг. н.э.) напали на Ольвию и ее хору. Император послал на помощь городу войска, которые, победив варваров, заставили их выдать заложников ольвиополитам (SHA. J. Capit. Ant. P. IX. 9). Данное сообщение отчасти подтверждают Дионисий Периегет (Dion. Perieg. 298–320), Птолемей (Ptol. Geogr. III. 5. 11, 25; X. 5. 2) и позднее Евстафий (Eust. Shol. ad Dion. Perieg. 303–306), которые локализуют тавров или тавро-скифов по соседству с Ольвией в районе Ахиллова Бега. Правда, из свидетельства Дионисия можно заключить, что варвары занимали не только эту прибрежную территорию, но и другие лежащие рядом земли: «Тавры, населяющие крутой, узкий и длинный Бег Ахилла и далее, живущие до устья самого озера» (Dion. Perieg. 298–320). Но даже если речь здесь идет о западном районе Меотиды¹, Ахиллов Бег все равно остается главным ориентиром для локализации тавро-скифов в этой части Северного Причерноморья.

Несмотря на обилие в данном месте топонимов, восходящих к имени Ахилла², большинство исследователей отождествляют Ахиллов Бег античной традиции либо с Тендровской косой, либо с Тендрой и Джарылгач в комплексе³. Таким образом, возникает вопрос, почему античные авторы настойчиво размещают тавро-скифов в достаточно необычном для сухопутных варваров месте – на узкой прибрежной морской косе. Ведь такая локализация тавро-скифов серьезным образом расходится с другими источниками, традиционно локализующими

Ярцев Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

¹ Антонова, Яйленко 1995, 75, прим. 33.

² Отсюда и противоречивость источников (Зубарев 2005, 83–86).

³ Зубарев 2005, 97–98. В.Г. Зубарев также допускает существование двух Ахилловых Бегов, один из которых локализуется ученым на Крымском полуострове (Зубарев 2005, 98).

данных варваров в Крыму. Правда, собственно тавров, как этноса, к этому времени уже не существовало. И.С. Пиоро даже предположил, что жители Крымских гор стали жертвой римской политики по истреблению местного населения⁴. С I в. н.э. в источниках собственно и появляется новый этноним скифо-тавро-скифы. Область обитания тавро-скифов довольно определенно локализована Плинием в горном Крыму (Plin. NH. IV. 85). Не противоречат этому сообщения Арриана (Агг. Peripl. 19. 4) и Псевдо-Арриана (Ps.-Агг. 19. 4; 52)⁵, упоминающие здесь какие-то гавани скифо-тавров. Считается, что появление этого нового термина отражает процесс слияния двух этносов⁶. Действительно, в последние века до нашей эры – первых веках нашей эры в крымских предгорьях существовали позднескифские поселения, тогда как в горах памятники тавров уже не фиксируются. Следовательно, последние должны были входить в число жителей этих поселений⁷. Наследующая таврские традиции лепная керамика позднескифских поселений и могильников (которой до первой половины I в. до н.э. было относительно много) в течение I в. н.э. полностью исчезает⁸, что также служит подтверждением ассимиляции тавров скифами⁹.

Э.И. Соломоник пришла к любопытному выводу, что термин «тавро-скифы» явно употреблялся не только в этническом, но и в чисто географическом значении¹⁰. В дальнейшем эту мысль развил И.С. Пиоро, утверждавший, что, хотя тавров как отдельного этноса к данному времени уже не существовало, этим именем могли называть полиэтничных варваров, занимающихся морским разбоем у берегов Таврики, по типу сходного литературно-географического наименования – киликийцы, которым обозначали пиратов Средиземного моря¹¹. По мнению С.Б. Ланцова, возведение Кутлакской крепости было вызвано стремлением Боспора контролировать маршрут каботажного плавания на участке между Боспором и Херсонесом, чтобы противодействовать морскому разбою варваров. Возведение крепости ученый относит к эпохе Асандра, об активности которого в борьбе с пиратами косвенно свидетельствуют эпиграфические и нумизматические материалы¹². Страбон действительно сообщает о разбойничьих притонах тавров, нападавших на тех, кто укрылся в бухте Символов, правда, в прошедшем времени (Strabo. VII. 4, 2). Плиний упоминает многие таврские порты (Plin. NH. IV. 86). В 49 г. н.э. тавры истребили римлян, потерпевших крушение у крымских берегов (Tac. Ann. XII. 17). Иосиф Флавий говорит о «гениохах и колхах, о племени тавров, боспорцах и живущих вокруг Понта и Меотиды народах, которые раньше не признавали даже и собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море» (Jos. Flav. De bell. Jud. II. 16. 4). Существование тавров в первых веках нашей эры подтверждает и ряд боспорских надписей (КБН 39–40). В херсонесской эпиграфике I в. н.э. упоминается убийство таврами одного из вольноотпущенников (ЛНХТ 13). Не исключено, что эти свидетельства отражают отношение

⁴ Пиоро 1990, 12–30.

⁵ Ольховский 1981 56.

⁶ Латышев 1887, 190; Жебелёв 1953, 256; Ольховский 1981, 54–56.

⁷ Храпунов 2004, 63–65.

⁸ Власов 1999, 9–12.

⁹ Храпунов 2004, 64.

¹⁰ Соломоник 1962, 154–155.

¹¹ Пиоро 1998, 138–140.

¹² Ланцов 2005, 229.

к таврам не как к отдельному этносу, а как к полиэтничным группам варваров, живущим грабежом.

Однако неясно, в какой мере надо соотносить неоднозначное содержание данного термина применительно к конкретным варварам, напавшим на Ольвию. На первый взгляд археологический материал действительно свидетельствует, что к концу II в. н.э. происходит затухание жизни на большинстве городищ Нижнего Поднепровья¹³. Однако эти городища, как и в округе Ольвии, могли погибнуть еще в первой половине II в. н.э.¹⁴, ведь точную дату разгрома установить невозможно¹⁵. Прекращение чеканки монет во второй и начале третьей четверти II в. н.э.¹⁶ свидетельствует, что именно в это время здесь произошла дестабилизация обстановки, которая могла быть связана с гибелью городищ городской хоры¹⁷. На длительность кризисного периода указывает достаточно разная этническая характеристика варваров, нападавших на город, известная по ряду эпитафических памятников II в. н.э. В большинстве надписей говорится о посольствах ольвиополитов к соседним скифским или сарматским царям (IOSPE I². 39, 51, 54). Существует и надпись, в которой говорится о «победе над толпами супостатов», которую все отечество празднует жертвоприношениями» (IOSPE I². 175)¹⁸. В.В. Крапивина убедительно отождествила последнее сообщение с нападением на город тавроскифов в середине II в. н.э.¹⁹ Следовательно, опасность для Ольвии исходила по крайней мере от двух различных враждебных сил, и именно последние этнически неопределенные враги подвергли город наибольшей опасности в середине II в. н.э. Судя по найденному в Ольвии военному диплому, римские войска были введены Антонином Пием незадолго до 156 г.²⁰ Монеты этого императора (девять из десяти которых обнаружены в слоях после разгрома поселений) подтверждают, что именно при этом императоре, а не до него²¹, в Ольвию были введены войска и были предприняты действия по восстановлению хоры города²². Таким образом, сообщение «Истории Августов» о тавро-скифской войне находит соответствие в других источниках²³.

Однако до сих пор нет ясности в вопросе, какие же именно варвары могли скрываться под этим именем. На первый взгляд логичнее принять их за поздних сарматов²⁴. Ведь разрушения данного времени зафиксированы на огромных территориях Северного Причерноморья. Единственной силой, способной действовать на таких больших расстояниях, в то время были только сарматские племена²⁵. Появление представителей позднесарматской культуры (многими авторами справедливо отождествляемой с аланами, точнее с аланским объединением племен) в Северном Причерноморье определяется в пределах первой – третьей четверти

¹³ Былкова 2007, 109–114; Гаврилюк, Крапивина 2007, 64.

¹⁴ Щукин 1989, 73; Храпунов 1990, 167; Зубарь 1993, 185–188.

¹⁵ Зубарь, Сон 2007, 152–153.

¹⁶ Карышковский 1988, 122.

¹⁷ Зубарь 1993, 186–187; Зубарь, Сон 2007, 154–155.

¹⁸ Карышковский 1993, 81–82.

¹⁹ Крапивина 1993, 148.

²⁰ Иванчик, Крапивина 2007, 66–83.

²¹ Зубарь 1993, 186.

²² Буйских, Иевлев 1986, 73; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989, 207; Крапивина 1993, 149.

²³ Внуков 2007, 171–173.

²⁴ Буйских 1991, 134; Внуков 2007, 176.

²⁵ Храпунов 2004, 117.

II в. н.э.²⁶ Как раз этим временем, началом II в. н.э., датируются повсеместные разрушения на Таманском полуострове²⁷, замирание жизни на позднескифских поселениях в Приднепровье, что прямо связывается с сарматами²⁸, запустение поселений Северо-Западного²⁹ и Центрального Крыма³⁰, появление сарматских погребений на территории Неаполя Скифского³¹. Надпись из Херсонеса свидетельствует о серьезной опасности, в которой находился в это время город. Город, лишенный прямой военной поддержки Рима, пытался найти помощь у боспорских правителей и упорно добивался элевтерии (IOSPE I². 362, 423)³². Разрушение Танаиса в середине II в. н.э.³³ исследователями также связывается с масштабным историко-культурным процессом, следствием которого стало формирование позднесарматской археологической культуры³⁴. Косвенно это доказывает появление в городе, уже после разгрома, большой группы иранских имен³⁵.

Тем не менее варвары, напавшие на Ольвию при Антонине Пие, названы в источнике не аланами или сарматами, что более соответствовало бы сложившейся в Северном Причерноморье ситуации, а тавро-скифами, т.е. именно теми, кого обычно локализует в районе Ахиллова Бега и в Крыму. Вряд ли это могло быть простой случайностью. Несмотря на значительный масштаб передвижений в Причерноморье степных номадов, считать, что у крымских тавро-скифов в это время отсутствовал экономический и военный потенциал для нападения на Ольвию³⁶, было бы не очень верным. Именно в данное время, как уже говорилось, в Крым постоянно проникали орды сарматов³⁷. Но несмотря на все сложности взаимоотношений местных автохтонов с воинственными пришельцами, современники настойчиво продолжали именовать население крымских предгорий прежними этнонимами. Так, боспорские надписи времени Савромата I и Котиса II упоминают войны со «скифами» (КБН 32–33, 981). В надписи 193 г. имеются сведения о войне Савромата II с крымскими варварами, в ходе которой он «завоевал сираков и скифов» (КБН 1237). Вряд ли стоит считать сираков из этой надписи жителями Нижнего Днепра и, следовательно, предполагать, что боспорские войска сражались за пределами Крыма³⁸. Мы знаем, что Рескупорид III, судя по монетным изображениям, активно воевавший в 218 г.³⁹, в очередной надписи был назван

²⁶ Скрипкин 1984, 80–101; 1990, 204, 214, 223; Раев 1989, 117; Мошкова 1989, 191; Яценко 1993, 85; Пуздровский 1999, 108; 2001, 110; Симоненко 2000, 197; 2001, 78; Безуглов 2001, 22; Внуков 2007, 163.

²⁷ Сокольский 1967, 16; Толстикова 1992, 41; Масленников 2003, 212–213.

²⁸ Погребова 1958, 237; Вязьмитина 1962, 227; Шукин 1970, 67; 1989, 73; Храпунов 1990, 167; 2004, 117.

²⁹ Щеглов 1978, 39, 43; Ланцов 2001, 81; Храпунов 1990, 167–168; 2004, 116; Зубарь 2004а, 168–169.

³⁰ Храпунов, Масякин, Мульд 1997, 124; Храпунов 2004, 116.

³¹ Карасев 1951, 37; Шульц 1957, 76; Высотская 1979, 202–203; Гугуев, Глебов 2000, 102; Зайцев 2003, 35; Внуков 2007, 175–176.

³² Зубарь 1998, 79.

³³ Арсеньева, Науменко 2001, 59.

³⁴ Безуглов 2001, 22; Гугуев, Глебов 2000, 102; Завойкина 2004, 164; Внуков 2007, 164–170.

³⁵ Шелов 1972, 234, 238–239, 249; Завойкина 2004, 163–177.

³⁶ Зубарь 1993, 185–186; 1997, 85; Буйских 1991, 134; Пуздровский 2001, 109.

³⁷ Храпунов 2003а, 43–45.

³⁸ Шукин 2005, 130; Šćukin, Kazanski, Sharov 2006, 10, 20.

³⁹ Фролова 1980, 21.

«царем всего Боспора и тавро-скифов» (КБН 1008). Как видим, отдельно сираки здесь не указаны, что вряд ли было бы возможным в случае локализации данных варваров в особом, расположенном вне территории Крыма регионе. По справедливому замечанию В.М. Зубаря, упоминание в одном контексте «сираков и скифов» свидетельствует об их объединении в рамках одной политической структуры и включения Поздней Скифии в более сильное в военном отношении сарматское объединение⁴⁰. Скорее всего, всех крымских варваров (потомков тавров, скифов и расселившихся здесь сарматов-сираков) традиционно продолжали называть еще и тавро-скифами.

Каким же образом локализация тавро-скифов в Крыму согласуется со свидетельством источников, помещающих данных варваров у Ахиллова Бега. По мнению И.Н. Храпунова, частое употребление этого этнонима по отношению к населению Крыма делает вероятным предположение о том, что источник угрозы для ольвиополитов все же находился на полуострове. Причем разместились такие выходы из Крыма вблизи ольвийской хоры⁴¹. В.В. Крапивина считает, что имя варваров, напавших на Ольвию, имеет географическое определение, обозначая население, пришедшее со стороны Таврики⁴². Учитывая все вышесказанное, маловероятно, что упоминание данных варваров является ошибкой⁴³ или даже прямой фальсификацией⁴⁴. Крымские варвары имели все возможности в тяжелое время совершить поход за пределы полуострова. Правда, остается неясным, какая именно группа тавро-скифов и по какой причине подошла с предгорий Крыма в окрестности Ольвии, создав угрозу для города.

По нашему мнению, ответ на этот запутанный вопрос может дать анализ крымских предгорных древностей первых веков нашей эры. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что эти памятники не однородны. Отчасти это соответствует письменной традиции, в которой под именем тавров или скифо-тавров уже изначально подразумевалось множество различных племен и царств (Plin. NH. IV. 85; Amm. Marc. XXII. 8, 33). Один из ведущих специалистов по крымским древностям И.Н. Храпунов делит варварские памятники предгорного Крыма первых веков нашей эры (до середины III в. н.э.) на три группы⁴⁵. Одна из них представлена сарматизированными позднескифскими поселениями и прилегающими к ним могильниками⁴⁶. Остальные две группы выявляются только по некрополям, странным образом не связанным с долговременными поселениями.

Население, оставившее могильники Нейзац, Дружное, Озерное III, Суворово, Инкерман, Чернореченский и, возможно, ряд других, отличает наличие среди обычных типов погребальных сооружений, склепов особой конструкции, с длинными входными ямами, короткими дромосами, неизвестных до этого на терри-

---

⁴⁰ Действительно, резкое увеличение могильников в Юго-Западном Крыму ко II в. н.э. казалось бы должно свидетельствовать о расцвете в это время позднескифской культуры. Но это плохо согласуется со всеми другими данными (Зубарь 2003, 145–147).

⁴¹ Храпунов 2004, 118.

⁴² Крапивина 2005, 189.

⁴³ Соломоник 1962, 153–157; 1976, 46–50; Столба 1993, 57; Пиоро 1998, 138–139.

⁴⁴ Зубарь 1998, 89–90.

⁴⁵ Храпунов 2003а, 50.

⁴⁶ Отметим, что сарматские подбойные могилы рядом с такими поселениями в Крыму стали заполняться камнями как у крымских скифов. При этом у проникших сюда сарматов, полностью исчезла традиция перекрывать могилы курганными насыпями, изменилась и ориентация могил, которая уже не соответствовала господствующему в среднесарматское и в позднесарматское время меридиональному направлению (Храпунов 2003а, 43–45).

тории Крыма. Отмечена и обособленность этих некрополей от позднескифских поселений. Так, на примере наиболее исследованного могильника Нейзац видно, что входные ямы могил не заполнялись по скифскому обычаю камнями, также здесь отмечен уникальный обычай делать пазы вдоль длинных стен грунтовых могил. Обычно возникновение этой группы памятников, которую из-за наличия склепов данного типа отождествляют с аланами, уточняется датировкой ранних погребений этих могильников в пределах первой половины III в. н.э.⁴⁷ Однако, например, могильник Нейзац начал функционировать еще со второй половины II в. н.э.⁴⁸, причем среди множества подбойных, грунтовых и других типов могил исследованы и два вышеуказанных склепа, датируемых временем до середины III в. н.э.⁴⁹ Возможно, именно с опорой на данную группировку цари Боспора смогли подавить вышедшее из-под римского контроля скифо-сарматское объединение⁵⁰. Судя по взятию Неаполя Скифского в середине II в. н.э.⁵¹ (после чего на стенах здания с дорогими фресками появились сарматские тамгообразные знаки и картины взятия города с помощью осадных машин)⁵², данная военная акция была поручена Боспору именно Антонином Пием⁵³. Похоже, что начиная с этой переориентации боспорских правителей на новый массив кочевого населения – представителей позднесарматской культуры⁵⁴ и получили распространение на европейском и азиатском Боспоре т-образные «аланские» склепы⁵⁵. Хотя здесь необходимо учитывать и некоторые отличия крымских склепов от кавказских⁵⁶, что, однако, вполне может объясняться седентаризацией населения⁵⁷ или даже возможным заимствованием местными жителями, в первую очередь эллинским населением Боспора, данного типа погребального сооружения.

Другая группа некрополей, расположенная в долинах рек Альма и Бельбек (Скалистое II, III, Бельбек I, II, III, IV, Танковое), в своем сложившемся виде стала функционировать в основном со II в. н.э. (Бельбек IV с I в. н.э.) и в целом отличается сарматским характером погребений. Причем инвентарь в Скалистом III, Бельбек II, III явно принадлежит к позднесарматскому периоду⁵⁸. Однако эти могильники имеют некоторые особенности, позволяющие выделить их в отдельную группу памятников. Они также не связаны с поселениями, здесь нет позднескифских склепов, хотя входные ямы могил и забиты камнями как у поздних скифов (и это при том, что, например, ранний участок могильника Бельбек IV синхро-

---

⁴⁷ Равдоникас 1932, 40–41; Айбабин 1984, 118; 1987, 193; 1990, 66; 1994, 92 сл., 97 сл.; 1999, 30; Зайцев 1997, 102–116; Бабенчиков 1963, 90–122; Храпунов, Масякин 1998, 133–149; Храпунов 1998, 230–238; 1999, 262–268; 2004, 136.

⁴⁸ Как, возможно, и ряд других некрополей (Юрочкин, Труфанов 2007, 360).

⁴⁹ Храпунов 2003а, 48–52.

⁵⁰ Яценко 1993, 84–85, 87; Пуздровский 2001, 110.

⁵¹ В верхних слоях пригородного зольника обнаружен золотой статер Риметалка 150/151 г. н.э., который может рассматриваться как плата боспорскому воину (Зайцев 1990, 259–261).

⁵² Дашевская 1962, 173–194.

⁵³ Пуздровский 2001, 110–112.

⁵⁴ Пуздровский 2001, 110.

⁵⁵ Айбабин 1999, 22–23.

⁵⁶ Мошкова, Малашев 1999, 195–197; Юрочкин 2002, 125–137.

⁵⁷ Храпунов 2003а, 51–52, прим. 2.

⁵⁸ Богданова, Гущина 1967, 132–139; Богданова, Гущина, Лобода 1976, 121–151; Гущина 1970, 39–47; 1974, 32–64; 1982, 20–30; Вдовиченко, Колтухов 1994, 82–88; Храпунов 2003а, 46.

нен многим позднескифским склепам), широко распространены нехарактерные для сармат плитовые могилы, отсутствуют широкие могильные ямы, открытые во всем ареале среднесарматской культуры. Все это трудно объяснить, кроме как культурно-этническими особенностями данного населения. И.Н. Храпунов предположил, что указанную группу могильников оставили сарматы, некоторое время проживавшие в позднескифских поселениях, а затем, в силу не ясных причин, изменившие образ жизни. Варвары стали передвигаться по каким-то замкнутым маршрутам, имея возможность в случае необходимости каждый раз вернуться к родовому кладбищу. При этом они должны были проживать в жилищах легких конструкций, не оставляющих археологических следов⁵⁹. Похоже, что эти люди занимались скотоводством, чем и объясняется их обособленность от основных жителей долговременных поселений.

Известно, что обмен продуктов животноводства в античных городах стал причиной появления большего количества античных вещей в предгорных варварских некрополях. Ведь простое накапливание скота безо всякой возможности обмена и превращения прибавочного продукта в престижные ценности не имело смысла⁶⁰. Яркий тому пример – массовое распространение античных вещей в Юго-Западном Крыму после установления здесь римского контроля в конце II – первой половине III в. н.э. Хозяйства варваров в это время были в значительной степени ориентированы на нужды Херсонеса и расквартированного там римского гарнизона⁶¹. Любопытно, но именно в погребальном инвентаре могильников долин Альмы и Бельбека больше, чем на других синхронных степных памятниках, найдено вещей античного, главным образом херсонесского производства⁶². Это обстоятельство вместе с другими особенностями явно свидетельствует о наличии высокого уровня развития животноводства и обмена у данных варваров.

Однако в отличие от пришлых племен говорить о высоком уровне скотоводства собственно у крымских автохтонов в данное время не приходится. Мы знаем, что в результате проникновения в Крым сарматских орд⁶³ и начавшихся скифо-боспорских войн на полуострове происходят какие-то перемещения позднескифского населения, естественного или насильственного характера⁶⁴. Анализ лепной керамики, проведенный В.П. Власовым, позволяет утверждать, что первый этап позднескифских миграций на территорию Боспора приходится как раз на I – начало II в. н.э. Эта волна не носила еще массового характера и состояла из жителей поселений предгорного Крыма, прекративших в это время свое существование⁶⁵. Одновременно со второй половины I в. н.э. начинает проследиваться постепенное угасание горного святилища на Гурзуфском Седле⁶⁶, изначально связанного с развитием яйлажного скотоводства у тавро-скифов⁶⁷. Н.Г. Новиченкова убедительно показала, что появление упоминания в источниках тавро-скифов, занимающих непосредственно горный «хребет» (Plin. NH. IV. 85), совпадает с началом функционирования ритуального комплекса на Гурзуфском Седле⁶⁸. Это позволяет именно

---

⁵⁹ Храпунов 2003а, 45–51.

⁶⁰ Павленко 1989, 87, 89; Новиченкова 1994, 83.

⁶¹ Зубарь 2004, 171–174.

⁶² Храпунов 2003а, 47–48.

⁶³ Храпунов 2003а, 43–45.

⁶⁴ Власов 2006, 173.

⁶⁵ Власов 2006, 173.

⁶⁶ Новиченкова 1994, 85.

⁶⁷ Новиченкова 1994, 80–86.

⁶⁸ Новиченкова 1994, 80.

тавро-скифов связать с данным святилищем, а прекращение его функционирования – с разладом хозяйственной деятельности крымских варваров. Предположение о принадлежности этого высокогорного святилища эллинам⁶⁹ сомнительно. Знакомство поздних скифов с культами греческих божеств доказывает ряд памятников и не вызывает удивления⁷⁰. Анализ найденных здесь фибул и особенно тот факт, что поздние варианты лучковых и смычковых фибул не нашли широкого применения на Гурзуфском Седле, выделяют II в. н.э. как время окончательного прекращения массового посещения святилища⁷¹.

Таким образом, наступивший в конце I–II в. н.э. длительный период общей дестабилизации непосредственным образом затронул варварское население крымских предгорий. При этом пострадали в первую очередь те из жителей позднескифских поселений, кто занимался отгонным или перегонным скотоводством, подолгу проживая на сезонных стоянках. Ведь лишившись своего поголовья скота, тавро-скифы вынуждены были идти в услужение к более воинственным и богатым сарматским родам, кочевавшим в степях Крыма и Северного Причерноморья. При этом характер экономических и политических отношений между ними в каждом конкретном случае был, по-видимому, различный. Даже на уровне царей союз местных варваров (тавро-скифов?) с пришлыми сарматами и аланами был вполне вероятен, о чем прямо говорит текст элогия или энкомия некоего хилиарха царя Савромата I (93–123 гг.)⁷². К этому времени сармато-аланы окончательно разорили округу Ольвии, разгромив большинство городищ на берегах Нижнего Днепра и Днепро-Бугского лимана. Из всех античных государств Северного Причерноморья именно этот античный город оказался в самом тяжелом положении, чем варвары не преминули воспользоваться. Однако из-за того, что в подошедшей из Крыма к Ахиллову Бегу сарматской орде было немало местных автохтонов, варварская группировка и приобрела вид этнически пестрой «толпы супостатов». Главным претендентом на роль организаторов такого похода, безусловно, выступают варвары указанной выше третьей группы крымских памятников, не имеющие поселений и явно обладающие большим скотоводческим хозяйством. В предгорном Крыму у кочевых скотоводов, похоже, находились зимники, куда они и возвращались к осени. Если летние маршруты кочевания этих варваров выходили за пределы полуострова, то они могли непосредственно затрагивать территорию Нижнего Днепра и хоры Ольвии. Заметим, что обилие воды в летнее время в районе Нижнего Днепра давало кочевникам богатое разнотравье и множество зеленых побегов деревьев в поймах рек. Не исключено, что не столько добыча, сколько борьба за пастбищные угодья и за определенные территории кочевания являлись главной причиной похода варваров на Ольвию. Со своей стороны таких появившихся в окрестностях города неприятелей жители Ольвии имели все основания назвать тавро-скифами. Этническая неоднородность напавших врагов, появление их со стороны полуострова, возможно, уже длительное профессиональное занятие грабежом, достаточно полно отражают содержание этого термина.

Однако все это не объясняет причину локализации античными авторами тавро-скифов именно на Ахилловом Беге. Скорее всего, отсутствие средств к существованию приводило к тому, что многие жители полуострова вынуждены были переходить к грабежу античных поселений и занятию морским пиратством. Создается

---

⁶⁹ Русяева 2005, 63.

⁷⁰ Высотская 1980, 96–105; Пуздровский 1997, 167–180; Журавлев 2001, 187–193.

⁷¹ Новиченкова 2000, 154–166.

⁷² Сапрыкин 2006, 242–243.

впечатление, что подошедшие к Ольвии из Крыма варвары ориентировались на пиратскую группировку с Ахиллова Бега, которая, возможно, уже довольно долго действовала в этом районе Черного моря аналогично другим подобным группам, занимавшимся грабежами у берегов Крыма. В свое время на Ахилловом Беге (до появления тавро-скифов?), согласно Плинию, размещались сираки и скифы-сарды (сатархи?)⁷³ (Plin. NH. IV. 83), которые, судя по упоминанию сираков в боспорской надписи в едином контексте с крымскими скифами (КБН 1237) и локализации Помпонием Мелой (Mel. II. 3) и Плинием (Plin. NH. IV. 89) сатархов в Восточном Крыму, также являлись выходцами с территории Крыма. Перед нами снова одновременное упоминание в Крыму и на Ахилловом Беге одних и тех же этнонимов, что вряд ли могло быть простой случайностью. Получается, что в районе данной морской косы постоянно базировалось некое специфическое варварское общество, представляющее собой объединение выходцев из различных племен.

Данный вывод подтверждает еще одно свидетельство, похожее, также указывающее на пребывание сатархов на Ахилловом Беге. Так, Плиний, описывая племенной мир Северного Причерноморья, во второй половине I в. н.э. локализует гамаксобиев-аорсов в междуречье Днестра и Днепра, а аланов – за Днепром, в приазовских степях⁷⁴ (Plin. NH. IV. 25, 80). Примерно там же локализует этих варваров и Птолемей. Правда, ему из-за использования разновременных источников пришлось локализовать гамаксобиев и скифов-аланов в глубине Европейской Сарматии, «освобождая место у побережья» для ранее господствующих здесь языгов и роксоланов⁷⁵ (Ptol. Geogr. III. 5. 7). Но главное сейчас не это. Важно, что Птолемей, дойдя при описании варварского мира до широты Северного Причерноморья, помещает между этими народами (аланами и гамаксобиями) – карионов и саргатиев (Ptol. III. 5. 10), которые, таким образом, вполне могут быть локализованы в районе Нижнего Днепра. Карионы и саргати Птолемея сильно напоминают каронов и сатархов Плиния, у которого они также фигурируют в одном списке племен⁷⁶. Под саргатиями Птолемея, возможно, имеются в виду не заимствованные из Геродота персидские сагартии⁷⁷, а сатархи с Ахиллова Бега. Следовательно, к одному источнику могут восходить не только сарды Плиния (Plin. NH. IV. 83) и сарты Мелы (Mel. II. 10)⁷⁸, но его же сартаги (Mel. II. 3)⁷⁹ и саргати Птолемея (Ptol. Geogr. III. 5. 10). Данное свидетельство Птолемея, таким образом, может являться еще одним доказательством локализации сатархов у Ахиллова Бега.

Вообще, интересующий нас район Северо-Западного Причерноморья, как и побережье Крыма, издавна считался опасным из-за нападений пиратов, в которых здесь

---

⁷³ Ростовцев 1925, 53. отождествление скифов-сардов с жителями нижнеднепровских городищ не очень убедительно (Шукин 2005, 130). Плиний, указывая местоположение скифов-сардов и сираков, явно говорит о непосредственном «пространстве» Бега Ахилла «длиной 80.000 шагов» (Plin. NH. IV. 83). Вряд ли автор имел в виду несколько отдаленную от Ахиллова Бега территорию Нижнего Поднепровья.

⁷⁴ Интерпретацию данного места текста Плиния А.В. Симоненко мы считаем наиболее удачной (Симоненко 1992, 160).

⁷⁵ Мачинский 1976, 84.

⁷⁶ Ушедших в свое время с Кавказа в Северное Причерноморье и перешедших при этом Танаис (Plin. NH. VI. 22). Поэтому вряд ли будет правильным размещать скифов-сардов (сатархов?) Плиния на азиатском Боспоре (Десятчиков 1973, 136).

⁷⁷ Буданова 2000, 343.

⁷⁸ Десятчиков 1973, 136.

⁷⁹ Мела 1949, 278, прим. 8.

обычно видят тех же тавров или сатархов⁸⁰. Возможно, именно с Ахиллова Бега происходили пираты, напавшие на остров Левку, борьбу с которыми вели ольвийполиты еще в конце IV – начале III в. до н.э. (IOSPE I². 325)⁸¹. Характеристика сатархов как пиратов в надписи Посидея из Неаполя (IOSPE I². 672), несмотря на раннюю датировку II в. до н.э.⁸², косвенно свидетельствует о возможном морском грабительском промысле всех тех, кто в тяжелые времена уходил в район Ахиллова Бега. В пользу этого говорят и географические особенности этой приморской береговой полосы, хотя и защищенной от степей лесом, но мало подходящей для проживания оседлых племен. Правда, у Плиния жители Ахиллова Бега и жители лесной страны Гилеи⁸³ (береговой линией которой и является Ахиллов Бег)⁸⁴ не тождественны друг другу. Более того, как уже говорилось, в летнее время значительный травяной покров мог привлекать в окрестности Гилеи и скотоводов. Однако по большей части «обширнейшая земля, заросшая лесами и страшная болотами» (Iord. Get. 46), где находились «самые огромные в этих местностях леса» (Mel. II. 5) и выдающийся в море полуостров Ахиллов Бег «длиной около тысячи стадий», почва на котором была «песчаная, вода колодезная» (Strabo. VII. 3. 19), действительно больше подходила не для хозяйственной деятельности, а для укрытия во время опасности и организации в этой части Северного Причерноморья пиратского промысла. Видимо, с этих позиций и надо оценивать сосуществование на этой территории различных групп населения⁸⁵. Тогда и позднее в район Гилеи и Ахилового Бега могли уходить жители как Ольвии, так и разоренных к началу II в. н.э. позднескифских поселений Нижнего Днепра и соседнего Северо-Западного Крыма. Скорее всего, именно с этого времени античные авторы и отмечают на Ахилловом Беге загадочных тавроскифов, в имени которых этническая характеристика явно уходит на второй план.

Обращает на себя внимание, что в среде тех, кто, по нашему мнению, напал на Ольвию, а позднее окончательно осел в Юго-Западном Крыму (оставив крымские могильники Бельбек I, Скалистое III, Танковое), появляются погребения, совершенные по обряду кремации, которые вполне могли принадлежать выходцам из Центральной и Северной Европы. Однако из-за практически отсутствия инвентаря хронологическая позиция этих комплексов по отношению к доминирующим на могильниках труположениям не очень ясна⁸⁶. Тем более, что не совсем понятно, функционировали ли некоторые из этих некрополей и после середины III в. н.э., когда в Юго-Западном Крыму уже фиксируются хорошо известные могильники с кремацией⁸⁷. Но существует и мнение, что обнаруженные в трупосожжениях мо-

⁸⁰ Брашинский 1973, 130.

⁸¹ Брашинский 1973, 130.

⁸² Брашинский 1973, 130; Пуздровский 1999а, 208–209.

⁸³ У Плиния они названы энекадиями (*Plin. NH. IV. 83*) — «живущие в данном месте?» (Плиний Старший 1949, 280, прим. 8) или гилеями (*Plin. NH. IV. 84*).

⁸⁴ Зубарев 2005, 92–96.

⁸⁵ Напомним, что в минуты опасности здесь находили защиту и пристанище даже жители Ольвии. В ольвийском декрете конца II в. до н.э. в честь Никерата, сына Папия, прямо говорится, что из-за постоянно нападающих на город врагов часть жителей была переправлена в Гилею (IOSPE I². 34; см. Крапивина 2007, 12).

⁸⁶ Печенкин 1905, 34–37; Высотская 1972, 75; Богданова, Гущина, Лобода 1976, 124; Вдовиченко, Колтухов 1994, 85–86; Айбабин 1999, 26; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006, 177.

⁸⁷ Например, некоторый инвентарь из некрополя Бельбек I явно определяется временем после середины III в. (Пиоро 2003, 155), а стеклянный сосуд с каплями синего стекла из этого же могильника не может датироваться временем более ранним, чем конец IV в. н.э.

гильника Бельбек I обломки стеклянных сосудов и бусы все же могут свидетельствовать о синхронности кремации с погребениями в плитовых могилах и датироваться, таким образом, второй половиной II в. н.э.⁸⁸ Любопытно, но именно к этому времени относятся и некоторые погребения по обряду кремации могильника Совхоз 10. Здесь, в наиболее ранних кремациях выявлена краснолаковая посуда и амфоры-урны, которые также датируются II в. — максимум первой половиной III в. н.э.⁸⁹

Конечно, не стоит забывать, что кремация в расположенном рядом Херсонесе в римское время хотя и редко, но продолжала практиковаться вплоть до V в. н.э.⁹⁰ При этом нам действительно неизвестно, насколько далеко зашла «эллинизация» и «романизация» местного населения⁹¹. Влияние Херсонеса в этой связи на свою ближайшую округу нельзя полностью исключить⁹².

Однако несмотря на это, существует больше оснований считать, что указанные погребения по обряду кремации в Юго-Западном Крыму имеют отношение к выходцам из германского мира. Эти небольшие группы варваров, по-видимому, проникли в Северное Причерноморье раньше, чем большинство их соплеменников⁹³. Ведь данные погребения на территории Крыма «доготского» периода хорошо согласуются с обнаруженными здесь, правда, единичными вещами европейского происхождения того же времени⁹⁴. С одной стороны, кремация на варварских крымских могильниках, если видеть в причине ее возникновения влияние Херсонеса, как раз и появилась во II в. н. э., т.е. в период дестабилизации и установления власти Херсонеса и Рима в Юго-Западном Крыму. Но, с другой стороны, погребения по обряду кремации на варварских могильниках по конструкции и деталям обряда отличаются от херсонесских⁹⁵. Более того, данные кремации (например, могильников Бельбек I, Скалистое III)⁹⁶ практически аналогичны погребениям черняховской и отчасти пшеворской и вельбарской культур⁹⁷.

(Печенкин 1905, 31–34; Гущина 1974, 32, 46–48, рис. I–II; Айбабин 1999, 26; Храпунов 2003а, 46). По-видимому, продолжали хоронить после середины III в. н.э. и на могильнике Скалистое III (Айбабин 1999, 26).

⁸⁸ Пиоро 1990, 93.

⁸⁹ Внуков 1993, 204–207; Высотская 2000, 83–92; Кадеев, Сорочан 1989, 94–95; Уженцев, Юрочкин 1998, 103, 108, прим. 45; Колтухов, Юрочкин 2004, 176–177; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006, 182.

⁹⁰ Зубарь 1982, 57–58; 2005, 134–135, 166.

⁹¹ Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006, 184.

⁹² Блаватский 1951, 289–290; Высотская 1972, 99; 2000, 91; Масленников 1984, 57; Орлов 1987, 131; Амброз 1994, 39–40; Юрочкин 1999, 280; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006, 181.

⁹³ Храпунов 2003, 345–346; 2003а, 46.

⁹⁴ Данные предметы, в целом относящиеся ко времени до «готских» походов, имеют неоднозначную интерпретацию: например, украшенные эмалью шпоры из могильника Скалистое III (Kazanski 1994, 431); золотая ведерковидная подвеска из могильника Бельбек III (Гущина 1974, 32–64, рис. V, 20); возможно, бронзовый умбон цита из могильника Нейзац (Храпунов 2003, 329–350), варварская принадлежность которого была подвергнута сомнению (Левада 2006, 214); некоторые предметы воинской экипировки, которые могут иметь отношение к Барбарикуму и датироваться временем до первой половины III в. н.э. (Васильев 2005, 279–292; 2005а, 343–346; см. также критику интерпретаций А.А. Васильева: Казанский, Мастыкова 2007, 171–173).

⁹⁵ Айбабин 1999, 26.

⁹⁶ 6 и 4 варианты – по классификации А.И. Айбабина: засыпка землей женных костей в небольших ямках или же урны с прахом (Айбабин 1999, 24–26).

⁹⁷ Айбабин 1999, 26.

Кроме этого, заметим, что лепная керамика из Неаполя, Альма-Кермена, Тарпанчи в некоторых случаях находит свое точное соответствие в формах посуды вельбаркской и более поздней черняховской культур, что подтверждает проникновение выходцев с севера на территорию Крыма в местную среду еще до разгрома позднескифских поселений⁹⁸. Может быть, именно доминированием местной этнической среды и объясняются сарматские формы лепной посуды, служившие урнами для захоронений продуктов кремаций могильника Совхоз 10⁹⁹. Ведь мы знаем, что изготовлением лепной посуды в древности обычно занимались женщины¹⁰⁰. С территории же Барбарикума в Крым проникали в первую очередь сугубо мужские воинские коллективы. Вот почему женская часть варварского общества, судя по инвентарю крымских некрополей, почти всегда была из местной среды¹⁰¹.

Таким образом, не исключено, что именно с тавро-скифской войны связи между Северной Европой и Причерноморьем с Крымом, до этого времени эпизодические¹⁰², приобрели устойчивый и постоянный характер. В дальнейшем этому способствовали начавшиеся Маркоманские войны, в разгар которых в 174 г. в Херсонес был отправлен военный отряд под командованием Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды для ликвидации угрозы, исходившей от окрестных варваров¹⁰³. Возможно даже, что, начиная со времени тавро-скифской войны, проникновение римских монет, и в первую очередь денариев Антонина Пия, на варварскую территорию Восточной Европы, как раз и начинает приобретать массовый характер. Пик данного процесса во II в. н.э., как известно, пришелся на эпоху Маркоманских войн¹⁰⁴. Союзниками сарматских орд, проникших в это время на полуостров¹⁰⁵, вполне могли быть и некоторые выходцы с севера, для которых военные действия послужили благоприятным моментом для миграции в Крым. Исходя из всего вышесказанного, вряд ли северных воинов, активно проникающих в Северное Причерноморье, можно представлять исключительно наемниками, нанятыми боспорским царем для борьбы с тавро-скифами¹⁰⁶. Тем более, что достоверные германские вещи впервые появляются на Боспоре, похоже, действительно только со второй половины III в. н.э.¹⁰⁷ На начальном этапе своего проникновения в Причерноморье северные дружины, скорее всего, являлись врагами античных государств.

Такое раннее появление в Крыму выходцев из Барбарикума безусловно отражает очередную миграционную волну продвижения готов и других племен из Поморья к Черному морю (в сторону Волыни, Поднестровья, Западного и Южного Буга). В современной науке этот процесс получил условное название «брест-тришинская волна вельбаркского проникновения», которая датируется приблизительно 150–200 гг. н.э.¹⁰⁸ Причем путь медленно продвигающимся племенам прокладывали небольшие дружины, активно использовавшие для своих перемещений речные

⁹⁸ Власов 1999а, 62–67.

⁹⁹ Высотская 2001, 67–174; Колтухов, Юрочкин 2004, 177.

¹⁰⁰ Бобринский 1978, 26.

¹⁰¹ Мыц, Лысенко, Шукин, Шаров 2006, 187.

¹⁰² Шукин 2005, 72–73.

¹⁰³ Антонова, Яйленко 1995, 58–86; Виноградов 1996, 48–60.

¹⁰⁴ Шаров 2007, 32–41.

¹⁰⁵ Храпунов 2003а, 45.

¹⁰⁶ Васильев 2005, 286.

¹⁰⁷ Казанский, Мاستыкова 2007, 171.

¹⁰⁸ Шукин 2005, 104.

пути. Видимо, от них и поступала необходимая информация к северным племенам. Ведь Филимер, прежде чем решиться на переселение со своим народом, действительно должен был хорошо знать современное ему положение дел в Северном Причерноморье¹⁰⁹. Если интерпретация М.Б. Шукиным трупосожжений в урне (у с. Пересыпки на Сейме и у с. Мокра на среднем Днестре) правильна, то проникновение представителей северных племен в глубинные лесостепные районы Причерноморья должно было активно происходить где-то в интервале от конца I в. н.э. до конца II в. н.э.¹¹⁰

На путь продвижения таких дружин непосредственно к хоре Ольвии указывает появление погребений по обряду кремации на Нижнем Днестре. Ямные трупосожжения и коллективные захоронения младенцев под каменными стелами на некрополе крупнейшего позднескифского городища Красный Маяк, пережившего период упадка, были датированы концом II в. н.э.¹¹¹ При этом заметим, что, несмотря на наличие ярко выраженных гето-дакийских элементов¹¹² в позднескифской культуре Нижнего Днестра, кремация в погребальном обряде нижнеднепровских городищ не получила распространения¹¹³. Это и позволило определить вышеуказанные погребения в качестве нового элемента. Однако в этой связи не совсем понятно соотношение этих захоронений с более ранними, единичными погребениями по обряду кремации, выявленными в непосредственной близости от городища Золотая Балка¹¹⁴. Причем одно из таких погребений было совершено в каменном ящике, подобном каменным ящикам Золотобалковского могильника (в которых почему-то отсутствовали человеческие кости)¹¹⁵. По мнению В.П. Былковой, эти каменные ящики также могли иметь отношение к обряду кремации¹¹⁶.

Таким образом, на первый взгляд сложно сказать, какие именно культурные традиции стояли за всеми вышеуказанными погребениями с обрядом кремации на Нижнем Днестре (особенно с каменными конструкциями), фракийские¹¹⁷ или все же вельбаркские¹¹⁸. Заметим, однако, что из одного такого погребения с некрополя городища Красный Маяк происходит гривна типа Сандруасишкой (аналогичная гривнам из Прибалтики второй половины II–III в. н.э.). Это прямо указывает на далекие северные земли как на источник многих культурных инноваций в Северном Причерноморье, откуда собственно и шло движение варваров на юг¹¹⁹. К данной гривне культурно примыкают происходящие с территории Боспорского царства и две воинские пряжки, также характерные для западных балтов и датируемые периодом B₂ (70/80–160/170 гг.)¹²⁰. Эти предметы подтверждают мнение, что среди прочих миграций европейских народов можно выделить и балтскую волну второй половины II – первой половины III в. н.э.¹²¹ Однако не стоит при этом забывать,

¹⁰⁹ Shchukin, Kazanski, Sharov 2006, 19.

¹¹⁰ Шукин 2005, 104–106.

¹¹¹ Гей, Бажан 1993, 52–59; Шукин 2005, 131; Shchukin, Kazanski, Sharov 2006, 20, 22.

¹¹² Для которых были характерны кремации в каменных ящиках, урнах и иногда в небольших ямках (Федоров, Полевой 1973, 212; Кругликова 1955, 139).

¹¹³ Былкова 2007а, 109.

¹¹⁴ Зубарь, Кубышев 1987, 248–253.

¹¹⁵ Вязьмитина 1972, 98–100.

¹¹⁶ Былкова 2007, 125.

¹¹⁷ Былкова 2007, 125.

¹¹⁸ Shchukin, Kazanski, Sharov 2006, 20.

¹¹⁹ Гей, Бажан 1993, 52–59; Шукин 2005, 131; Shchukin, Kazanski, Sharov 2006, 20, 22.

¹²⁰ Shchukin, Kazanski, Sharov 2006, 22; Казанский, Мастыкова 2007, 172.

¹²¹ Мыц, Лысенко, Шукин, Шаров 2006, 158.

что дружины северных варваров (в первую очередь готов и гепидов), возможно, привлекаемые перспективой участия в операциях с янтарем и контроле над речными путями, связывающими балтийское и черноморское побережья, активно внедрялись в западную часть земель балтского мира¹²². В результате подобных передвижений по территории Восточной Европы какие-то предметы, характерные для народов Прибалтики, вполне могли попасть в Причерноморье. В этой связи обратим внимание на одну из вышеуказанных прибалтийских пряжек, происходящей из Пантикапея. На ее щитке была изображена тамга или боспорского царя Тиберия Евпатора (154–170 гг.)¹²³, или же, что более вероятно, тамга одной влиятельной сарматской семьи, состоящей на службе у боспорского царя¹²⁴. Трудно сказать, являлся ли человек, кому принадлежала эта пряжка, наемником¹²⁵, или данный предмет случайно попал на Боспор, где и был использован в иной культурной среде. Тем более, что другие пряжки с подобными знаками¹²⁶, скорее всего, имеют отношение именно к сарматам¹²⁷.

Еще одна воинская прямоугольная портупейная пряжка с двойным язычком периода С_{1а} (вторая половина II – первая четверть III в. н.э.) происходит уже непосредственно из некрополя Ольвии¹²⁸. Подобные пряжки помимо Ольвии были обнаружены еще в Керчи и в сарматском могильнике Холмское (Буджак). Они типичны для пшеворской культуры, носителями ее в римское время являлись вандалы, которые вместе с готами, гепидами и представителями других северных народов также продвигались на юг¹²⁹.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что один из путей северных дружин в Крым (по Южному Бугу или Днепру) явно проходил через территорию Нижнего Поднепровья и хоры Ольвии. Причем важным промежуточным пунктом на этом направлении, безусловно, являлась не только собственно Ольвия¹³⁰, но и Ахиллов Бег вместе с прилегающими окрестностями. Вероятно, этот район привлекал северных варваров природным богатством, наличием естественной защиты (леса и болота) и своими устойчивыми пиратскими традициями. Может быть, именно на побережье Ахиллова Бега, первые северные дружины и вошли в соприкосновение с подошедшими из Крыма варварами. Конечно, сейчас на практически ушедшем под воду Ахилловом Беге¹³¹ невозможно отыскать археологических следов связей с Северной Европой. Даже пребывание здесь собственно тавро-скифов и других жителей прибрежной косы остается археологически недоказуемым. Трупосожжения в среде варваров, которые после нападения на Ольвию отступили обратно в Крым, как и другие приведенные нами артефакты, лишь косвенно могут свидетельствовать о возможности таких контактов.

¹²² Кулаков 2003, 127–129.

¹²³ Васильев 2005, 281; Shchukin, Kazanski, Sharov 2006, 22.

¹²⁴ Завойкина 2004, 171–177.

¹²⁵ По мнению М.Ю. Трейстера, такие пряжки распространились около середины II в. н.э. как подражание римским изделиям. Их могли получать за особые заслуги солдаты и офицеры боспорской армии (Трейстер 2000, 121–122).

¹²⁶ Храпунов 2005, 272–273; Васильев 2005, 281–282.

¹²⁷ Казанский, Мاستыкова 2007, 172.

¹²⁸ Гудкова, Фокеев 1984, 16, рис. 6, 2; Бажан, Герцегер 1993, 18, рис. 1, 1.

¹²⁹ Васильев 2005, 279–280; Щукин 2005, 131; Shchukin, Kazanski, Sharov 2006, 21, 23.

¹³⁰ Васильев 2005, 286.

¹³¹ Зубарев 2005, 449, рис. 3.

Обратим внимание и на то, что разрушений II в. н.э. непосредственно в самой Ольвии не выявлено¹³². Это позволяет предположить, что пришедшие тавро-скифы могли ограничиться в основном только осадой Ольвии, включавшую и морскую блокаду города (косвенно на такую возможность, вероятно, указывает ольвийская надпись IOSPE I². 243). В любом случае, пряжка, которая могла иметь отношение к воинским поясам центральноевропейского Барбарикума и датирующаяся в целом II в. н.э., попасть на остров¹³³ Березань¹³⁴ никаким другим путем, кроме, как морским, не могла.

После заключения договора с римлянами тавро-скифы вынуждены были вернуться в предгорный Крым. О таком ходе событий косвенно свидетельствует выдача варварами заложников, что явилось бы действенной мерой только при относительном соседстве их с Ольвией и другими античными государствами. Также обращает на себя внимание хронологическое совпадение тавро-скифской войны с боспорским походом вглубь Крымской Скифии в середине II в. н.э. и разгромом Неаполя Скифского¹³⁵. Скорее всего, именно этот удар в тыл крымским тавро-скифам, совершенный по прямому приказу Антонина Пия, и вынудил пойти тавро-скифов с Ахиллова Бега на переговоры. При этом, как и другие племена, попавшие в зависимость от римской военной администрации и властей Боспора, они, скорее всего, сохранили свое самоуправление¹³⁶. В дальнейшем при Савромате II контроль над данной территорией мог осуществляться уже при помощи каких-то союзных варварских контингентов¹³⁷. Таким образом, могильники долин Альмы и Бельбека отражают процесс оседания враждебных варваров на территории подконтрольной Риму. При этом создается впечатление, что только под стенами Ольвии в результате неизбежной консолидации всех варварских сил этой части Северного Причерноморья в связи с предстоящей схваткой с римлянами окончательно и оформилась эта, достаточно пестрая в этническом плане группировка. Следовательно, сарматская орда вполне могла подойти к Ольвии не из Крыма, а непосредственно с приазовских степей и только здесь соединиться с тавро-скифской группировкой с Ахиллова Бега и другими варварами, пришедшими с территории полуострова. В любом случае, многие особенности данного объединения, известные по могильникам, такие, как странное отсутствие позднескифских склепов или, наоборот, забивка камнями входных ям могил по обычаю поздних скифов, и это при наличии характерного сарматского инвентаря трудно связать с какой-то одной этнической группой. Даже самая яркая черта этих некрополей – плитовые погребальные сооружения, в равной степени могут быть заимствованием греческим¹³⁸, северокавказским¹³⁹, сарматским (представляя собой усложненный вариант могил с заплечиками)¹⁴⁰ и даже являться влиянием далеких северных культур. Причем не столько формирующейся черняховской¹⁴¹ (для которой они как раз были не характерны)¹⁴²,

¹³² Крапивина 1993, 148–149.

¹³³ Ставший островом к этому времени (Зубарев 2005, 85).

¹³⁴ Васильев 2005, 282.

¹³⁵ Пуздровский 2001, 110–111. Ср. прим. 51.

¹³⁶ Зубарь 2003, 148.

¹³⁷ Мыц, Лысенко, Шукин, Шаров 2006, 180.

¹³⁸ Высотская 1972, 90; 1987, 40–67.

¹³⁹ Пиоро 1990, 141–143; 2003, 153–163.

¹⁴⁰ Богданова 1982, 33; 1989, 22.

¹⁴¹ Пуздровский 1994, 116–117.

¹⁴² Магомедов 1987, 33.

сколько обрядовой традиции Скандинавии, острова Готланд и Ютландии, где в позднеримское время широко были распространены погребения в ямах с каменными обкладками¹⁴³.

После заключения мира с римлянами оставшиеся на Ахилловом Беге варвары вряд ли могли продолжить свой пиратский промысел. Введение римских войск в Тиру, Ольвию и Херсонес, установление римского контроля над Крымской Скифией и западным побережьем Крыма¹⁴⁴ не давало тавро-скифам никаких шансов на успешное продолжение грабежа. Поэтому, если в этот период и практиковался морской разбой в данной части Черного моря, то очень быстро он был пресечен римским флотом. Позднее, когда после первых двух морских походов «скифов» (Zosim. I. 31–33) «соседние» по отношению к Меотиде варвары (скорее всего, из районов Тиры и Ольвии) решили принять участие в следующем нападении, кораблей у них не оказалось. Их приходилось строить с помощью людей, прибывших по торговым делам (Zosim. I. 34–35). Такой факт свидетельствует о том, что к середине III в. н.э. в этой части Северного Причерноморья доминировали сухопутные племена, сохранялась в какой-то мере морская торговля и отсутствовал крупномасштабный пиратский промысел. Не противоречит этому и известный переход боранов через данную территорию (с устья Дуная на Боспор) в середине III в. н.э. с целью захвата боспорских кораблей, без которых они не могли перейти к серьезным и дальним экспедициям (Zosim. I. 31).

Таким образом, отметим, что подошедшие в середине II в. н.э. к Ольвии тавро-скифы в немалой своей части являлись выходцами из прекративших свое существование ряда античных и позднескифских поселений Северного Причерноморья и Крыма. Возглавить таких варваров вполне могла некая воинственная сарматская орда, обладающая крупным кочевым хозяйством и силой, утверждавшая свое право на определенную территорию кочевания. Войти в такую орду местные автохтоны могли еще в Крыму или же непосредственно в районе Гилеи и Ахиллова Бега, если данная сарматская группировка подошла к Ольвии непосредственно из Приазовья.

К сожалению, мы не можем точно сказать, практиковался ли на Ахилловом Беге в античную эпоху и конкретно в данное время еще и пиратский разбой. Никаких прямых археологических подтверждений этому предположению не существует. Однако северные дружины, путь которых в Крым лежал через территорию Нижнего Поднепровья, в основном были сильны в пешем бою и на кораблях, а географическое положение прибрежной морской косы, на которой античные авторы постоянно локализовали каких-то выходцев из соседних племен (сираков, сатархов, тавров и тавро-скифов), может свидетельствовать об издавна существовавшем здесь подобном промысле. Не исключено даже, что осада Ольвии как раз и заключалась в морской блокаде города. Однако в любом случае морской разбой в Северо-Западном Причерноморье был быстро пресечен римским флотом. В дальнейшем на этом направлении действовали в основном сухопутные племена и варварские дружины.

---

¹⁴³ Могильников 1974, 193, 202–205. На могильнике Бельбек I, например, который почти целиком состоит из плитовых могил, есть три трупосожжения, но почему-то отсутствуют погребения в подбоях (Храпунов 2003а, 46), которые по большей части являлись характерной чертой именно сармат (Пуздровский 1994, 117–118).

¹⁴⁴ Зубарь 1998, 98, 117; Крапивина 1993, 149; Пуздровский 2001, 112–113; Ланцов 2003, 39–41.

Литература

- Айбабин А.И.* 1984: Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1, 104–122.
- Айбабин А.И.* 1987: Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII в. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. / Т.Н. Высотская (ред.). Киев, 164–199.
- Айбабин А.И.* 1990: Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I, 4–86.
- Айбабин А.И.* 1994: Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. IV, 89–131.
- Айбабин А.И.* 1999: Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Амброз А.К.* 1994: Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. IV, 31–88.
- Антонова И.А., Яйленко В.П.* 1995: Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 4, 58–68.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* 2001: Раскопки Танаиса в восточной части городища // ДБ. 4, 56–124.
- Бабенчиков В.П.* 1963: Чорноріченський могильник // АП. XIII, 90–122.
- Бажан И.О., Герцегер Д.С.* 1993: Бронзовая пряжка римского времени из Ольвии // ПАВ. 4, 107–113.
- Безуглов С.И.* 2001: Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Белоусов А.* 2007: Нереиды и культ Ахилла на Боспоре // БФ. 1, 30–35.
- Блаватский В.Д.* 1951: Харакс // МИА. 19, 250–291.
- Бобринский А.А.* 1978: Гончарство Восточной Европы. М.
- Богданова Н.А.* 1982: Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Ч. II. Вып. 54, 31–39.
- Богданова Н.А.* 1989: Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. 70, 17–70.
- Богданова Н.А., Гуцина И.И.* 1967: Новые могильники II–III вв. н.э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. 112, 132–139.
- Богданова Н.А., Гуцина И.И., Лобода И.И.* 1976: Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. 4, 121–152.
- Брашинский И.Б.* 1973: Понтийское пиратство // ВДИ. 3, 124–133.
- Буданова В.П.* 2000: Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.
- Буйских С.Б.* 1991: Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев.
- Буйских С.Б., Иевлев М.М.* 1986: О топографии городищ Нижнего Побужья первых веков нашей эры // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / В.А. Анохин (ред.). Киев, 64–77.
- Былкова В.П.* 2007: Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон.
- Былкова В.П.* 2007а: Позднескифские городища Нижнего Днепра: проблемы хронологии и атрибуции // TYRAGETIA. Muzeul National de Arheologie si Istorie a Moldovei / Mihai Ursu (ed.). S.N. Vol. I (XVI), nr. 1, 89–114.
- Васильев А.А.* 2005: Германские воинские пряжки и наконечники ремней на Боспоре // БИ. IX, 279–292.
- Васильев А.А.* 2005а: О времени появления германских дружин на Боспоре // БФ. 343–349.
- Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г.* 1994: Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма / Ю.М. Могаричев (ред.). Симферополь, 82–88.
- Виноградов Ю.Г.* 1996: Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса (О превратностях судеб херсонеситов и их лапидарного архива) // ВДИ. 1, 48–60.
- Власов В.П.* 1999: Етнокультурні процеси в Криму у III ст. до н.е. – IV ст. н.е. (за матеріалами ліпної кераміки). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ.
- Власов В.П.* 1999а: О появлении некоторых форм лепной керамики на позднескифских городищах Крыма в III в. н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья / Г.Н. Гошев. Запорожье, 62–67.
- Власов В.П.* 2006: О позднескифских миграциях на Боспор // БИ. XI, 163–176.
- Внуков С.Ю.* 1993: Новые типы позднесинопской амфорной тары // РА. 3, 204–213.

- Внуков С.Ю. 2007: Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье // ВДИ. 4, 163–177.
- Высотская Т.Н. 1972: Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев.
- Высотская Т.Н. 1979: Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев.
- Высотская Т.Н. 1980: Геммы Усть-Альминского некрополя // ВДИ. 1. 96–105.
- Высотская Т.Н. 1987: Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // МЭИК. Киев, 40–67.
- Высотская Т.Н. 2000: Амфоры редких типов из могильника «Совхоз № 10» (Севастопольский) // Донская археология. 2000. 3–4, 83–92.
- Высотская Т.Н. 2001: О некоторых этнических особенностях погребенных в могильнике «Совхоз 10» (на основе лепных погребальных урн) // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. 118, 167–174.
- Вязьмитина М. І. 1962: Золота Балка. Київ.
- Вязьмитина М.І. 1972: Золотобалковский могильник. Киев.
- Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В. 2007: Постскифские городища Нижнего Поднепровья и Ольвия // Древности Северного Причерноморья в античное время. МАИЭТ. Supplementum. 4, 52–65.
- Гей О.А., Бажан И.А. 1993: Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре // ПАВ. 3, 52–59.
- Гугуев Ю.К., Глебов В.П. 2002: Рец.: Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловне. Волгоград, 2000 // Донская археология. 1–2, 91–107.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984: Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная в I–IV вв. н.э. Киев.
- Гуцица И.И. 1970: Могильник Бельбек III в Крыму // КСИА. 124, 39–47.
- Гуцица И.И. 1974: Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. I, 32–64.
- Гуцица И.И. 1982: О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Ч. II. Вып. 54, 20–30.
- Дашевская О.Д. 1962: Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА. 1, 173–194.
- Десятчиков Ю.М. 1973: Сатархи // ВДИ. 1, 131–144.
- Жебелёв С.А. 1953: Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.–Л.
- Журавлёв Д.В. 2001: Граффити на краснолаковой керамике из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. 118, 187–193.
- Завойкина Н.В. 2004: Ταχαιῆται в истории Боспорского царства // ДБ. 7, 163–198.
- Зайцев Ю.П. 1990: Золотой статер Риметалка из Неаполя Скифского // СА. 1, 259–261.
- Зайцев Ю.П. 1997: Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / В.А. Кутайсов (ред.). Симферополь, 102–116.
- Зайцев Ю.П. 2003: Неаполь Скифский (III в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь.
- Зограф А.Н. 1941: Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черном море // СА. 7, 152–159.
- Зубарев В.Г. 2005: Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.
- Зубарь В.М. 1982: Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. Киев.
- Зубарь В.М. 1993: По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. н.э. (SHA 9, 9) // РА. 2, 185–189.
- Зубарь В.М. 1997: О так называемой «тавро-скифской» войне в истории Ольвии // РА. 2, 85–90.
- Зубарь В.М. 1998: Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев.
- Зубарь В.М. 2003: Римское военное присутствие и население Таврики во II – первой половине III в. // VITA ANTIQUA. 5–6. Киев, 136–152.
- Зубарь В.М. 2004: Херсонес и римское военное присутствие в Таврике во второй половине II – третьей четверти III в. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры / П.П. Толочко (ред.). Харьков, 73–182.
- Зубарь В.М. 2004а: Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев.
- Зубарь В.М. 2005: Боги и герои античного Херсонеса. Киев.
- Зубарь В.М., Кубышев А.И. 1987: Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья // СА. 4, 248–253.

- Зубарь В.М., Сон Н.А.* 2007: Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития. МАИЭТ. Supplementum. 3. Симферополь.
- Иванчик А.И., Крапивина В.В.* 2007: Римский военный диплом 157 г., выданный матросу Флавиева Мезийского флота // Древности Северного Причерноморья в античное время. МАИЭТ. Supplementum. 4, 66–83.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* 1989: Херсонес і Західний Понт: проблема контактів // Археологія. 4, 91–102.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В.* 2007: Золотая гривна из Фанагории: о германцах на Боспоре Киммерийском в позднеримское время // БЧ. VIII, 169–177.
- Карасев А.Н.* 1951: Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК. 37, 161–172.
- Карышковский П.О.* 1988: Монеты Ольвии. Киев.
- Карышковский П.О.* 1993: Новые ольвийские посвящения первых веков н.э. // ВДИ. 1, 73–97.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю.* 2004: От Скифии к Готии. Симферополь.
- Крапивина В.В.* 1993: Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев.
- Крапивина В.В.* 2005: О соотношении письменных и археологических источников на примере Ольвии I в. до н.э. – III в. н.э. // БФ. 186–192.
- Крапивина В.В.* 2007: Ольвия и ее роль в эллинизации населения Побужья и Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор / А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.). Запорожье, 5–17.
- Кругликова И.Т.* 1955: Дакия в эпоху римской оккупации. М.
- Крыжичский С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* 1989: Сельская округа Ольвии. Киев.
- Кулаков В.И.* 2003: История Пруссии до 1283 г. М.
- Ланцов С.Б.* 2001: Культы и адепты в святилище II в. до н.э. – III в. н.э. около г. Саки в Крыму // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ю.М. Могарычев (ред.). 2. Симферополь, 78–95.
- Ланцов С.Б.* 2003: Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев.
- Ланцов С.Б.* 2005: К вопросу о контроле за каботажным плаванием вблизи Судака на рубеже эр // БФ. 226–230.
- Латышев В.В.* 1887: Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
- Левада М.Е.* 2006: «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // БИ. XI, 194–251.
- Магомедов Б.В.* 1987: Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Масленников А.А.* 1984: Харакс // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР / Г.А. Кошеленко (ред.). М., 56–57.
- Масленников А.А.* 2003: Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Москва–Тула.
- Мачинский Д.А.* 1976: К вопросу о территории обитания славян в I–VI веках // АСГЭ. 17, 82–100.
- Мела (Помпоний Мела)* 1949: Землеописание / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1, 270–287.
- Могильников В.А.* 1974: Погребальный обряд культур III в. до н.э. – III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. – перв. пол. I тыс. н.э. / В.В. Седов (ред.). М., 133–225.
- Мошкова М.Г.* 1989: Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Б.А. Рыбаков (ред.). М., 191–202.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* 1999: Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / А.С. Скрипкин (ред.). Волгоград, 195–197.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В.* 2006: Чатыр-даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.
- Новиченкова Н.Г.* 1994: Святилище Крымской яйлы // ВДИ. 2, 59–86.
- Новиченкова Н.Г.* 2000: Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское Седло // РА. 1, 154–166.
- Ольховский В.С.* 1981: Население Крыма по данным античных авторов // СА. 3, 52–65.
- Орлов К.К.* 1987: Ай-Тодорский некрополь // МЭИК, 106–133.
- Павленко Ю.В.* 1989: Раннеклассовые общества. Генезис и пути развития. Киев.
- Печенкин Н.М.* 1905: Раскопки в окрестностях Севастополя // ИТУАК. 38, 29–37.
- Пиоро И.С.* 1990: Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). Киев.
- Пиоро И.С.* 1998: К вопросу об этнической атрибуции названия «тавры» в римское время // ХСб. IX, 138–140.

- Пиоро И.С. 2003: К вопросу об этнической атрибуции плитовых погребений в позднеантичных некрополях Херсонесской округи // *VITA ANTIQUA*. 5–6, 153–163.
- Плиний Старший (Гай Плиний Секунд) 1949: Естественная история / Пер. В.В. Латышева, И.П. Цветкова // *ВДИ*. 2, 271–317.
- Погребова Н.Н. 1958: Позднескифские городища на Нижнем Днепре. (Городища Знаменское и Гавриловское) // *МИА*. 64, 103–247.
- Пуздровский А.Е. 1994: О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // *Проблемы истории и археологии Крыма* / Ю.М. Могаричев (ред.). Симферополь, 119–126.
- Пуздровский А.Е. 1997: Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // *Бахчисарайский историко-археологический сборник* / И.Н. Храпунов (ред.). I. Симферополь, 167–180.
- Пуздровский А.Е. 1999: Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // *ВДИ*. 4, 97–118.
- Пуздровский А.Е. 1999а: Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // *ХСб*. X, 208–225.
- Пуздровский А.Е. 2001: Политическая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // *ВДИ*. 3, 86–118.
- Равдоникас В.И. 1932: Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // *ИГАИМК*. XII, 5–106.
- Раев Б.А. 1989: Аланы в евразийских степях: Восток–Запад // *Скифия и Боспор*. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева / М.Ю. Вахтина (ред.). Новочеркасск, 126–128.
- Ростовцев М.И. 1925: Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.
- Русяева А.С. 1979: Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев.
- Русяева А.С. 2005: Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев.
- Сапрыкин С.Ю. 2006: К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. Труды ГИМ. 159, 236–244.
- Симоненко А.В. 1992: Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // *ВДИ*. 3, 148–162.
- Симоненко А.В. 2000: Соотношение ранне и среднесарматской культур в Северном Причерноморье // *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология* / В.Н. Мышкин (ред.). 2. Самара, 187–204.
- Симоненко А.В. 2001: Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // *РА*. 4, 77–91.
- Скрипкин А.С. 1984: Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов.
- Скрипкин А.С. 1990: Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Сокольский Н.И. 1967: Крепость на поселении Батарейка II // *КСИА*. 109, 108–115.
- Соломоник Е.И. 1962: Про значення терміна «тавроскіфи» // *АП*. XI, 153–157.
- Соломоник Е.И. 1976: Таври і Тавріка // *Археологія*. 20, 46–50.
- Столба В.Ф. 1993: Демографическая ситуация в Крыму в V–II вв. до н.э. (по данным письменных источников) // *Скифы, сарматы, славяне, Русь*. ПАВ. 6, 56–61.
- Толстиков В.П. 1992: Неизвестные страницы истории Боспорского царства // *Археология и искусство Боспора*. СГМИИ. 10, 41–65.
- Трейстер М.Ю. 2000: Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре // *РА*. 3, 118–124.
- Тункина И.В. 2002: Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.
- Тункина И.В. 2004: О судьбе рукописного наследия И.П. Бламбаерга // *ХСб*. XIII, 233–249.
- Успенцев В.Б., Юрочкин В.Ю. 1998: Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // *ХСб*. IX, 100–110.
- Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973: Археология Румынии. М.
- Фролова Н.А. 1980: Монетное дело Рискупорида III (211–226 гг.) // *НЭ*. XIII, 13–37.
- Храпунов И.Н. 1990: О причинах гибели некоторых позднескифских поселений // *МАИЭТ*. I, 167–169.
- Храпунов И.Н. 1998: Две грунтовые могилы из Некрополя Нейзац в Крыму // *МАИЭТ*. VI, 230–238.

- Храпунов И.Н.* 1999: О позднесарматской археологической культуре в Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья / П.П. Толочко (ред.). Запорожье, 262–268.
- Храпунов И.Н.* 2003: Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. III, 345–346.
- Храпунов И.Н.* 2003а: Сарматизация предгорного Крыма (до середины III в. н.э.) // МАИЭТ. X, 38–56.
- Храпунов И.Н.* 2004: Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. VI.
- Храпунов И.Н.* 2005: Наконечник пояса с боспорским знаком из могильника Фонтаны // БИ. IX, 271–278.
- Храпунов И.Н., Масякин В.В.* 1998: Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму // РА. 4, 133–149.
- Храпунов И.Н., Масякин В.В., Мульд С.А.* 1997: Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник / И.Н. Храпунов (ред.). I. Симферополь, 76–155.
- Шаров О.В.* 2007: Керамический комплекс некрополя Чатыр-даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб.
- Шелов Д.Б.* 1972: Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Шульц П.Н.* 1957: Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.) // История и археология древнего Крыма / П.Н. Шульц (ред.). Киев, 61–93.
- Щеглов А.Н.* 1978: Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.
- Щукин М.Б.* 1970: К истории Нижнего Приднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. 12, 54–67.
- Щукин М.Б.* 1989: На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов) / Б.А. Раев (ред.). Новочеркасск, 31–55.
- Щукин М.Б.* 2005: Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.
- Юрочкин В.Ю.* 1999: Черняховская керамика Юго-Западного Крыма // ХСб. X, 257–274.
- Юрочкин В.Ю.* 2002: Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? // БФ. II, 125–137.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А.* 2007: Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3–4 вв. н.э. // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской / Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинова (ред.). Симферополь, 359–382.
- Яценко С.А.* 1993: Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э. // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 6, 83–88.
- Kazanski M.* 1994: Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin–Marburg.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O.* 2006: Des lès Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas-empire et à l'époque des grandes migrations. Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400–1000 A.D.): Monographs I (BAR International Series 1535). Oxf.

THE PROBLEM OF ETHNIC IDENTIFICATION OF THE BARBARIANS WHO INVADED OLBIA DURING THE RULE OF ANTONINUS PIUS

S. V. Yartsev

The author reconsiders the complicated problem of identification of the barbarians who invaded Olbia about the middle of the 2 century AD. He believes them to have come from the foothills of the Crimea and to have been the descendants of Tauroscythae. They were cattle raisers and wanderers and suffered greatly because of wars and tribe migrations. They joined the Sarmatians who attacked Olbia and might have fought against squads of Goths, Gepids and Vandals coming from the North. Probably all these barbarians were involved in the sea robbery localized on at the «Achilles' Run».